

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств
при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

28 (132)

8 ИЮЛЯ

1944 г.

ВЫХОДИТ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цена 45 коп.

1.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Эти слова доктора Астрова из пьесы «Дядя Ваня» мы нашли в записной книжке московской школьницы Зои Космодемьянской в числе самых дорогих для нее мыслей. Так Антон Павлович Чехов участвовал в формировании души народной героини, чей образ войдет в века, как образ человека, в котором все было прекрасно, как бессмертное воплощение духовной красоты и силы русского народа.

Как же случилось, что писатель, которого часть современной ему критики склонна была считать поэтом «хмурых людей», выразителем давних, свиноводческих, переходных восьмидесяти годов, эпохи «безвременья», «малых дел», певцом тоски и отчаяния русской интеллигенции тех лет, как случилось, что этот писатель вошел в нашу героическую эпоху в качестве ее современника? И не «малые дела», а небывалые подвиги мужественных, стальных людей переплетаются с его именем!

Только наша эпоха смогла по-настоящему, в полном объеме, прочесть и «освоить» Чехова, понять главное в нем: устремленность всего его творчества к будущему, только наша эпоха смогла до конца понять идеал Чехова, особенности его мировоззрения, его эстетики.

Слова Астрова о том, что «в человеке должно быть все прекрасно», могут быть поставлены эпиграфом к чеховскому творчеству: в них звучит лейтмотив, заключающий сокровеннейшую суть всех образов, картин Чехова, всех созданных им произведений.

Чехов, как никто другой, с особенной силой выразил единство красоты и правды, эстетики и морали, прекрасного и нравственного.

Пафос социального воспитания, утверждения и отрицания, любви и ненависти был присущ ему не в меньшей мере, чем Толстому, Гоголю, Шелдрину, Некрасову, Горькому и другим великим русским трибунам человечности. Воспитанный школой русской литературы, Чехов был верен всем ее коренным традициям, в том числе ее воспитательной традиции. Но он осуществлял свою социальную задачу особыми, своими способами, отличными от прямого социального «проповедничества» Толстого, Достоевского, от открытой лирико-ораторской патетики Гоголя, грозной, резкой сатиры Шелдрина или гражданской лирики Некрасова. Чеховский социальный пафос был скрыт под покровом нарочито «бесстрастного», строго-объективного повествования. Чехов старался писать так, чтобы его авторская личность оставалась как бы «незамечательной» для читателя. Но в каждом его слове, в каждой строчке билось великое сердце «отного из лучших друзей России» (Горький), и все в его произведениях было окрашено той сдержанной, но страстной лирикой, которую К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко называли «полтекстом», «подводным течением» его произведений. Субъективное сливалось с объективным у Чехова, одно переходило в другое с пушкинской свободой и естественностью. Сама жизнь была главным героем его произведений, а отдельные герои выступали как частицы самого потока жизни. Горький охарактеризовал эту особенность чеховского творчества, как «глубоко человеческий объективизм» (в статье 1900 года по поводу рассказа «В овраге»). Чехова, — писал Горький, — «упрекали в отсутствии мирозерцания. Нелепый упрек!» Горький подчеркивал, что Чехов «овладел своим представлением жизни» и освещает ее с «высшей точки зрения».

Этой «высшей точкой зрения» художника и был идеал правды и красоты, мечта о будущем и оценка к высоте будущей светлой и прекрасной жизни несправедливости, зла, уродства, которых было так много в современной Чехову действительности.

2.

Перечитывая его произведения, от юхонеских рассказов Антоши Чехонте и до «Вишневого сада» и его варианта — рассказа «Невеста», мы видим замечательную стойкость, постоянство писателя в отстаивании своих главных морально-эстетических идей, слышим в богатстве и разнообразии вариантов звучание лейтмотива.

Длинной вереницей проходят перед нами чеховские герои, и мы чувствуем, что автор любит тех из них, кто связан с трудом, кто открыл мечтой о труде творчеством и свободном, и что художник презирает всех, кто чужд труду, все разнообразности паразитизма.

Как никто другой в мировой литературе до Горького, Чехов явился вдохновенным поэтом труда. Все его творчество — светлая песня о труде, мечта о труде творческом, свободном, рождающем прекрасного человека. В рассказе «Враги» (1887 г.), с удивительной ясностью, с четкостью поэтической программы, Чехов высказал свой морально-эстетический кодекс. Вся красота жизни, право на лирику, поэзию, на все человеческие чувства — только у людей труда. Герой рассказа, земский врач Кирилов, говорит от имени «всех вообще рабочих», за ним читатель видит массу трудовых русских людей, с их чувством собственного достоинства, с их врожденным презрением к барству и паразитизму. Кирилов, пожилой человек, утомленный жизнью и людьми, по внешнему своему облику некрасив, угрюмоват, тяжеловат, а противопоставленный ему бари Абогин, с его обликом не то изящного дилетанта, не то свободного художника, — красавец, он похож на льва, он музицирует, он, казалось бы, «поэтичен», изыскан, «лиричен». И с какой жестокой последовательностью, с каким неумолимым презрением — при всей наружной «беспристрастности» — Чехов разоблачает эту мнимую «поэтичность», внушая отвращение читателю к внешней, пустой, ложной «красоте» и раскрывая во множестве тонких деталей подлинную красоту и достоинство людей труда и трудовой жизни!

Когда один из чеховских героев (рассказ «Студент») размышляет о том, что правда и красота правят миром, — то он высказывает заветные мысли самого художника, главное в его мировоззрении, в его

«представлении жизни», в его эстетике: утверждение подлинной красоты — не той ложной «красоты», которая якобы может существовать где-то в стороне от общественной морали, от правды, — а красоты самой этой морали, самой правды. Правда красоты и красота правды — вот та «общая идея» Чехова, который не было у героя его «Скудной истории»! И какою поистине скупой и историей было искажение облика писателя частью современной ему критики — либеральной, эпигонски-народнической, — отождествлявшей героя «Скудной истории» с ее автором!

Все любимые герои Чехова убеждены в том, что только труд создает человеческую красоту. Всевозможные Абогины, Ариадны (из рассказа «Ариадна») и прочие персонажи, столь обаятельные на первый взгляд, — внутренне некрасивы, безобразны прежде всего именно потому, что они чужды труду. Доктор Астров говорит о жене, профессор Серебряков, Елена Андреевна:

«Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своей красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистой».

Это говорит Астров, который чувствует, что он способен увлечься Еленой Андреевной, Астров, для которого, как и для всех других любимых героев Чехова, такое огромное значение имеет красота. «Что меня еще захватывает», — говорит он о причинах своего увлечения Еленой Андреевной, — так это красота. Неравнодушен я к ней». Однако красоте Елены Андреевны он рассматривает, как неполноценную, порочную, он видит в ней нечто нечистое.

Астров — творческая, поэтическая натура. Он открыл мечтой о светлом будущем родины, влюбленностью в труд, в красоту родной земли. Он — не только «мечтатель»: в нем чувствуется бьющий из каждой его жилки талант, неутомимая энергия большого, настоящего работника. Как и на всех чеховских героев, писатель жизни наступает на него, и он не знает путей борьбы с ней. Но мечта о будущем, чувство красоты и правды помогают ему устоять перед грозным натиском пошлости, засасывающей таких, как Ионыч, как Андрей Прозоров из «Трех сестер».

Если обаяние Елены Андреевны рассеивается, как дым, и превращается в отвращение к пустой, внешней «красоте», то обаяние Астрова — глубокое и прочное, и сила этого обаяния связана с лирикой творческого труда, окружающего весь его образ. С этой лирикой, с этой мечтой связано и обаяние юной Ирины, одной из трех сестер. Тоска о труде, проникнутом поэзией, вдохновленным радостным сознанием его пользы для народа, свойственная всем любимым героям Чехова. Ионыч все яснее чувствует, что то время, когда «будет работать каждый, когда будет покончено с паразитизмом, со всем, что унижает труд, — что это время не так уж далеко от нас! Чем ближе к девятистам, тем все сильнее и глубже сказывается в чеховском творчестве захватывающее предчувствие близости счастья, с такою мощью выраженное в знаменитых словах, прозвучавших в «Трех сестрах»:

«Пришло время, надвигается из всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слет с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилая скука. Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять — тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!»

Художник, обладавший поразительной социальной чуткостью, все творчество которого было открыто для будущего, отражавший в своих произведениях самый объективный ход русской жизни, писатель, которого ничто не удерживало в прошлом, — Чехов смог сказать пророческие слова и вместе с великим «буревестником» — Горьким чувствовать дыхание надвигающейся бури!

3.

Да, герой Чехова не знал путей борьбы за прекрасное будущее, и самая его мечта не могла отличаться увлеченной ясностью горьковского героя. Если герой Горького и наступал на зло и пошлость жизни, то герой Чехова скорее оборонялся, как мог, как умел. Но все же его мечта помогала ему противостоять злу, грязи жизни. Чехов хорошо понимал необходимость борьбы за то, чтобы «перевернуть жизнь» (как говорит Саша из рассказа «Невеста»), и он сурово критиковал недостатки и слабости своих героев, разрыв между размахом их мечты и неумением реально бороться за нее. Эта критика героев в рассказе «Невеста», и в «Трех сестрах», и в ряде других произведений.

Чехов восторженно приветствовал новых героев русской жизни в лице революционного рабочего Нила, героя пьесы Горького «Мещане», он хотел, чтобы и его герои, скромные, честные люди из трудовой русской интеллигенции, отличались такою же наступательной силой, как была присуща горьковскому герою (вспомним, как жестоко осудил Чехов доктора Рагина из «Палаты № 6» за слабость, отсутствие воли к борьбе!). Стремление к слиянию интеллигенции с народом со всей отчетливостью выразилось в таком капитальном произведении Чехова, как повесть «Моя жизнь». В ней же развивается с особенной энергией и мысль о необходимости «переворота» родины. «Крепостного права нет», — говорит герой повести, выражая мысли автора, — зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же, как во времена Батая, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставляя само голодным, раздетым и беззащитным...», «нужно, чтобы сильные не порабощали слабых, чтобы меньшинство не было для большинства паразитом или насосом, высасывающим из него хронический лучший сок».

Чехов был далек от ясного понимания общественных сил, которые могли покончить с несправедливостью и уродством жизни, построенной на эксплуатации. Но он тянулся всем существом своим к этим силам. И недаром, когда умер Антон Павлович, реакционная критика него-

довала по поводу огромной популярности писателя, который, как возмущался один из черносотенцев с немецкой фамилией, принадлежал к числу «буревестников»!

Обостренное чувство красоты, присущее чеховским героям, является вместе с тем и таким же острым чувством правды. Малейшая фальшь, ложь заставляет их страдать, как от физической боли. «Тя ест траву, ржа — железо, а лжа — душу» — это любимое присловье старика-матяра из «Моей жизни» выражает главное в чувствах и мыслях чеховского героя Эстетическая совесть сливается с этической в творчестве Чехова. Так, по-своему, Чехов продолжил, развил те великие традиции русской литературы, которые определили ее значение, как совести человечества.

4.

Горький рассказывал в своих воспоминаниях, что Л. Н. Толстой, отношение которого к Антону Павловичу, по словам Горького, было отношением нежной влюбленности, сказал Чехову: «Вот вы — русский! Да, очень, очень русский». И, — рассказывает Горький, — ласково улыбаясь, обнял Антона Павловича за плечи».

Чехов дорог и близок нам именно тем, что он выразил в своем творчестве и в самой своей личности многие лучшие черты русского национального характера, народные идеалы, народное представление о правде и красоте, стремление к светлой, разумной жизни, русскую сдержанную, затаенную силу, которая своей затаенностью так часто вводила в заблуждение самоуверенных врагов.

Чехов гордился русской культурой и искусством. Он мог бы сказать о себе словами одного из своих героев (из рассказа «На пути»): «Я любил русский народ до страдания, «любил... его язык, творчество», «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!» — восклицал он в письме к сестре. В письме из Германии, сравнивая немецкую жизнь с русской, Антон Павлович писал, что в немецкой жизни «не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса». «Наша русская жизнь», — подчеркивал он, — гораздо талантливее». Когда чеховские герои думают о своей родине: «как велика, как прекрасна эта страна!» («Крыжовник»), то Чехов всей душой и мыслями с ними.

Общепризнано, что наряду с Тургеневым, Левитаном Чехов является лучшим мастером русского пейзажа. Свообразной чертой чеховского пейзажа является то, что он всегда динамичен, весь овеян поэтической мечтой, порывом к счастью. «Какие красивые деревья и в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» («Три сестры»). В этих словах заключается художественная сущность всех картин русской природы, нарисованных Чеховым. В поэме о родине, какою является «Стень», — в образе широкой, необятной, могучей степи представляла сама родина, тоскующая о счастье, о жизни, достойной ее «богатства и вдохновения», ее богатырской мощи.

О своих впечатлениях от Енисея Антон Павлович сделал следующую запись в путевом дневнике: «...на Енисее... жизнь началась стоном, а кончилась удастью, какая нам и во сне не снится... На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминавшие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!».

Вся русская земля страстно ждала, вместе со своим поэтом, великого дня освобождения могучих творческих сил народа, торжества правды. Рисуя лунную ночь («В овраге»), Чехов пишет: «...и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью».

Где в мировой литературе можно еще встретить такую упорную, такую страстную мелодию слияния правды и красоты, звучащую во всем, в том числе в самом пейзаже!

Все на русской земле полно было стремления слиться с правдой. И Чехов был поэтом этого стремления, непобедимой веры русского человека в победу правды.

Эта вера в близость счастья сказывается и в своеобразии чеховской сатиры. Замечательная ее особенность заключена была в том, что объекты этой сатиры противопоставлены самому ходу жизни, — в отличие от положительных героев, выходящих движением потока жизни.

Наиболее характерные сатирические образы Чехова — унтер Пришибеев, учитель Беликов — отличаются нелепым стремлением «запретить» самую жизнь! Оба они боялись жизни: «как бы чего не вышло!» И Пришибеев, и Беликов смеются прежде всего именно их попыткой «пресечь» движение жизни.

Конечно, они были не только смешны: они были и зловещи, страшны в своей враждебности всему живому. И все же, по сравнению с подлинной жизнью, с силой будущего, голос которого умел слышать Чехов, по сравнению с великим страданием, которую они стремились держать «в футляре», — Пришибеевы и Беликовы были жалки и смешны! Рассказ «Человек в футляре», относящийся к 1898 году, был овеян

тем предутренним ветром, дыхание которого спустя три года с такою мощью дало себя знать в пророческих словах о близости очистительной бури. Так, смеясь над Пришибеевыми и Беликовыми, чеховская поэзия утверждала жизнь!

5.

С каждым новым произведением тема утверждения жизни наполнялась все более зрелой силой. Последнее из крупных произведений Чехова и, быть может, наиболее генеральное из всего созданного им, — «Вишневый сад», — было прощанием со старой жизнью, со всем отживавшим, обреченным, с временными, мимолетными родной земли, с обанкротившимися дворянскими последствиями — Гаевыми и Раневскими, с дельцами Лопухиными, приходящими им на смену. Образ «вишневого сада» был образом красоты и счастья самой родины, мечтой о том времени, когда вся страна превратится в цветущий сад. «Вся Россия наш сад!» — говорит Чехов устами студента Трофимова. «Прощай, старая жизнь!» — звенит в финале пьесы юный голос Ани, голос молодой России, голос Чехова. «Здравствуй, новая жизнь!» — эти слова, прозвучавшие в «Вишневом саду», были, в сущности, последними словами Антона Павловича, сказанными незадолго перед его безвременной смертью, — словами по-пушкински светлого приветия новому дню родины, дню ее свободы, славы, счастья!

Ему не пришлось дожить до великого дня торжества родины, «чтобы самому участвовать», как мечтает один из любимых его героев (Ярцев из повести «Три года»). Он не смог увидеть, как жизнь на его родной земле начала строиться по законам правды и красоты, как с каждым годом все прекраснее становился могучий сад родины и все сильнее звучала в нем песня свободного, творческого труда, любви и уважения к трудовому человеку. «Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодородное дерево». Эти мудрые слова вождя вдохновляли на новые и новые подвиги творческого труда рабочих, крестьян, интеллигенцию страны, сливавшихся в единый народ. Лучшие мечты великих сынов народа становились живой действительностью.

«Какое наслаждение уважать людей!» — записал в своей записной книжке Антон Павлович.

Мы узнали это наслаждение. Все, над чем мы трудились, что строили и создавали, было вдохновлено уважением к человеку. И вместе с нами жид, работал, боролся, мечтал Чехов!

Он участвовал в моральном и эстетическом воспитании нашего народа. Ленин ценил и любил его произведения. Товарищ Сталин поставил его имя в ряду священных имен русского народа. Когда презренные «человеки в футляре», извечные враги народа, пытались «пресечь» наше движение вперед, остановить жизнь во имя смерти, Ленин и Сталин обращались к образам Чехова. Товарищ Сталин взял сатирический образ Беликова, как оружие в борьбе (в политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), разоблачив с генеральной ясностью и простотой превращенную сущность полных агентов фашизма, с их ненавистью к жизни и страхом перед ней).

Враги Чехова были и врагами всего советского народа. «В нашей стране не любят Пришибеевых», — сказал товарищ Сталин. В нашей стране ненавидят все, принимающее человека, задерживающее его стремление к новым и новым, все более прекрасным и разумным формам жизни, ненавидят чужество, спесь и самодовольство, в нашей стране любят свет, правду, мысль, красоту, скромность, подлинную силу. И поэтому в нашей стране так любят Чехова!

Гитлеровская Германия, обрвала мирный творческий труд нашей страны. Та самая бездарная и преступная немечтина, в жизни которой не было «ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса», десятилетиями сгущала смрадную лужу зависти, звериной ненависти, глупой прусской спеси и «воспитав» из немцев народ мучителей, обрушила всю свою дикую злобу, вместе со всей техникой ограбленной Европы, на нашу родину, поставив целью раздвинуть нас, уничтожить народы великой страны.

Только гитлеровцы, носители смерти, чуждые жизни, не понимавшие ее законов, могли тешиться мыслью о возможности покорить такой народ. Он столетиями вынашивал благородную мечту и осуществлял ее. Непобедимым было его стремление к правде. Дети, подрастая, слушали мудрые сказки стариков о правде и кривде и учились любить правду и ненавидеть ложь, которая ест душу, как «тля — траву, а ржа — железо». Нельзя победить народ, добившийся торжества своей правды! Нельзя победить народ, чьи вожди носят имена: Ленин и Сталин! Нельзя покорить народ, порождающий таких светлых, мудрых сыновей, как Антон Павлович Чехов.

Этот народ отстоит свой прекрасный сад и насадит новые сады из места погубленных, разрушенных врагами, он уничтожит врагов человечества — во имя правды, свободы, разума, во имя красоты человеческой жизни, во имя счастья творческого труда!